

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 8209

О.А. Дашевская

МОТИВ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ В ПОЭЗИИ ВАДИМА АНДРЕЕВА
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье рассматривается характерный для поэзии Вадима Андреева мотив опавших листьев. Выявляется его генетическая и типологическая связь с русской поэзией XIX – начала XX в.; анализируются функционально-семантические аспекты мотива в контексте поэзии эмигрантов первой волны, обозначенные самим автором в лирической системе, а также смыслы, рождающиеся в историко-литературном процессе.

Ключевые слова: мотив; поэзия эмиграции; традиции русской поэзии.

Поэзия Вадима Андреева (1902–1976), младоэмигранта первой волны, до сих пор остается вне исследовательского внимания. Между тем она значима и с точки зрения изучения индивидуальных авторских стратегий, и как отражение актуальных мотивов русской поэзии, что вносит существенные коррективы в понимание проблемы целостности развития русской литературы XX в.

В. Андреев занимал особое место в русской эмиграции первой волны. Общая духовная коллизия поколения младоэмигрантов обрела у Андреева более глубокое выражение, поскольку связь с русской культурой обострялась собственной родословной. Везде, где В. Андреев оказывался в начале 1920-х гг. (Константинополь, Париж, Берлин), он был сыном известного русского писателя Леонида Андреева, что определяло общее отношение к нему и влияло на его эстетическое самоопределение. Эмиграция обострила национальную саморефлексию поэта, оценку роли России. Чувство связанности с Россией у В. Андреева не проходило с годами, а усиливалось, что выразилось в настойчивом обращении к национальной поэтической традиции. Одним из важных мотивов, определяющих ее своеобразие у поэта, выступает мотив опавших листьев.

Цель нашей статьи – дать интерпретацию мотива опавших листьев в поэтической системе В. Андреева, продолжающего традиции русской поэзии XIX – начала XX в., что определяет, во-первых, значение анализа мотива в функционально-семантическом аспекте, а во-вторых, необходимость его включения в русский литературно-философский контекст.

Под мотивом в статье понимается повторяющийся элемент (единица) лирической системы. Мотив опавших листьев, с одной стороны, суммирует близкие по значению мотивы (падающих листьев, оторванного листа и др.); с другой стороны, их можно рассматривать и как варианты основного мотива, его модификации в контексте лирической системы Андреева.

В поэзии Андреева наряду с мотивами падающих и опавших листьев наиболее частотны мотивы оторвавшегося от дерева листа, или близкого к падению, уносимого ветром или одиноко кружащегося в воздухе. Например: *«упавший лист», «слетает лист»; «падают листья, им велено осенью падать», «кружась, слетает желтый лист», «лесною балериной кружился лист в пространстве голубом», «один неосторожный листик*

на моем улегся рукаве», «сорвался с ветки заскорузлый лист», «и ветерок кладет листок к листку / С полтинником серебряный полтинник»; «дрожит на длинной шейке лист сквозной» и т.д.

В художественной системе Андреева пласт русской поэзии XIX в. представлен именами А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета. В аспекте интересующей нас проблемы наиболее очевиден, в частности, «лермонтовский» контекст.

Лермонтовские мотивы изгнания и скитальчества оказались в целом глубоко созвучны по настроению и духу мироощущению молодых поэтов-эмигрантов первой волны, практически ровесников поэта XIX в. Для В. Андреева Лермонтов – особо важная, знаковая фигура. «Лермонтовский дискурс» в поэзии Андреева присутствует на протяжении всего творчества. Так, в ранней поэме «Возвращение» (1936) обширны фрагменты из поэмы «Мцыри, сама она выстроена как стелевая имитация «Демона». В зрелом творчестве Андреев посвящает Лермонтову цикл «Гроза над Машуком» (книга «Дух дерева и дух воды», 1948–1969), в последнюю книгу («На рубеже», 1970–1976) поэт включает стихотворение «Из пламя и света...». Как видим, интерес к творчеству М. Лермонтова в художественной системе Андреева устойчив.

Стихотворение Лермонтова «Листок» («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»), написанное им в последний год жизни, – итоговое и аккумулирует ключевые идеи творчества поэта. Хотя в поэзии В. Андреева прямых отсылок именно к этому тексту нет, общий лермонтовский контекст делает его семантику актуальной для поэта XX в., а его генетическую связь с поэзией М. Лермонтова – естественной и очевидной.

В стихотворении Лермонтова гонимый бурей лист – символ одинокого, «не имеющего цели скитальческого существования» [1. С. 263]. Лист у Лермонтова носим ветром во враждебном ему мире, он тщетно ищет спасения у чинары, его движение к смерти непреодолимо. В поэзии Андреева мотив носимого ветром листа маркирует общеэмигрантскую тему изгнания, бездомности и одиночества; «оторванный лист», с одной стороны, – метафора человеческой жизни; с другой – он воплощает идею разрыва исторических связей, отрыва от корней. Как и в поэзии Лермонтова, в лирической системе Андреева «странник-лист» одинок в мире, влеком сти-

хией ветра, ему нет спасения, его движение завершается смертью. Вместе с тем в поэзии В. Андреева изгнание не философская категория, как в системе мышления Лермонтова, в которой духовное скитальчество – выражение национальной ментальности. В художественном сознании Андреева изгнание лишено космической метафоричности, символики духовного существования, а выступает реальным измерением судьбы лирического героя.

Развиваемый Андреевым мотив опавших листьев тесно связан с поэзией Серебряного века и первой трети XX в. в целом. Наиболее близкий контекст – поэзия С. Есенина. Влияние Есенина на Андреева было прямым и непосредственным: учась в Берлине в начале 1920-х гг., В. Андреев был на выступлениях С. Есенина, который произвел на него впечатление своей «русскостью», выделявшей его среди других поэтов из России – В. Маяковский, Б. Пастернак, А. Белый (см.: «История одного путешествия»).

Мотив опавших листьев как часть темы осени и ухода занимает ключевое место в поэзии С. Есенина первой половины 1920-х гг., что обусловлено неокрестьянским мировоззрением поэта, в основе которого находится философия природного существования. В поэзии Есенина представлена смена времен года от ранней весны к поздней осени и зиме; она соответствует эволюции сознания и мироощущения лирического героя, который «переживает» и «проживает» жизнь как смену физического и духовного состояний от весны к осени – от «расцвета» к «увяданию». В поэтической системе Есенина годовой природный цикл – метафора жизненного цикла лирического героя (и любого человека).

Мотив опавших листьев в поэзии В. Андреева глубоко созвучен пониманию осени как завершению жизненного цикла, т.е. он развивает тему ухода в ее есенинском выражении. Андреев совпадает с Есениным в ключевой интенции, когда падающие листья символизируют завершение жизни. Вспомним «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921) Есенина: «Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льется с кленов листьев медь» [2. Т. 1. С. 153]. Сравним с В. Андреевым: «Падают листья – им велено осенью падать. / Жизнь уменьшается с каждым слетевшим листом» [3. С. 86]. В последней цитате падающие листья тоже символизируют неумолимые законы бытия. Вместе с тем как человек городской культуры, целиком принадлежащий цивилизации, Андреев делает акцент на отсчете времени; осень и падающие листья выступают в роли метронома человеческой жизни («Поздней осенью время гораздо слышнее...» и т.д.). Уточним, что есенинскую тему физической усталости и духовной опустошенности, изношенности «телесной плоти», значимой в природной модели мира крестьянского поэта, Андреев не развивает.

В поэтической системе Андреева отсутствует изображение природного кругооборота, он поэт лета и осени, которые часто не различимы между собой. Среди «летне-осенних» текстов Андреева в качестве исключения назовем «весеннее» стихотворение «Ушедшим друзьям» (1965). Весна напоминает лирическому субъекту о юности, связи с Россией и таянии снегов; она маркирует время особого, но уже утраченного мировосприятия: «Обмят сугроб окрепшими лучами, /

Прорезался капли острый клык / День ото дня подснежными ручьями / Весна обогащает свой язык» [Там же. С. 36]. В структуре текста образ весны в первой строфе выступает введением в утраченное восприятие мира, само стихотворение – о другом: о невозвратимом.

Можно утверждать, что аспекты значений мотива опавших листьев, получившие развитие в русской поэзии XIX – начала XX в., удерживаются в лирической системе Андреева. Вместе с тем происходит значительное расширение его семантики. Обратимся к наиболее актуальным аспектам мотива опавших листьев.

1. В поэтической системе В. Андреева сохраняется природный статус опавших листьев, выступающих частью пейзажа, что связано с индивидуально-неповторимым переживанием лирическим героем человеческой жизни во всех ее проявлениях. Лирический герой Андреева чуток к мельчайшим и разнообразным проявлениям бытия в его природном выражении, к мгновениям и процессуальности. Напр.: «Речной паук, как будто на коньках, / Скользит, легко касаясь влаги плотной, / За ним летит вдоль заводи болотной / Листок ольхи на желтых парусах» [3. С. 11]. Или: «Сорока с белой грудью на суку, / Шуршит-звенит трепещущий осинник, / И ветерок кладет листок к листку, / С полтинником серебряный полтинник» (выделено мной. – О.Д.) [Там же. С. 35].

Вместе с тем следует уточнить, что Андреева не интересует картина осени как таковая, красота осеннего леса или падение листьев, как, например, И. Бунина в стихотворении «Листопад» (1900), где осень олицетворена и эстетизирована. В поэзии Андреева природный ряд соотносен с человеческой жизнью, подключен к экзистенциальным и философским аспектам человеческого существования.

Появление мотива опавших листьев в творчестве Андреева как поэта-эмигранта вызвано обостренным ощущением и переживанием одиночества человека, осознанием его малости и незащищенности перед лицом смерти. Поэт утверждает ценность и неповторимость каждой конкретной человеческой жизни, что связано с повторяющимся сюжетом умирания / гибели оторванного листа («Упавший лист», «Лист»). В лирической системе поэта ключевое понятие «лист» / «листик», а не «листья», чем подчеркивается единичность и единственность, в отличие от множественности. Как правило, одиноко существующие, листы и листики в поэтической системе Андреева разрознены, хаотично движутся, уносимы ветром: «Осенний вихрь им (листом) забавлялся вволю...» («Упавший лист»); они незаметно исчезают и истаивают. В лирических сюжетах «умирания» эксплицируется общая трагическая участь людей, в которой все уравнивается.

2. Рассмотрим экзистенциальные аспекты мотива опавших листьев. Содержательное ядро поэзии Андреева образует экзистенциальная проблематика, что стало общим местом в исследованиях о творчестве младоэмигрантов. Эта черта поэтической системы Андреева наиболее наглядна при сопоставлении его поэтических текстов с поэзией конца XIX – начала XX в. В аспекте развития экзистенциальной проблематики сопоставим сти-

хи А. Фета – И. Анненского – В. Андреева. Эти сопоставления не произвольны, к ним Андреев подталкивает сам. Так, его стихотворению «Лист» (цикл «На рубеже», 1970–1976) предпослан эпиграф из текста Фета «Поэтам» («Сердце трепещет отраднo и больно...», 1890). С другой стороны, логично обратиться к стихотворению И. Анненского «Листы» (известно, что В. Андреев высоко ценил Анненского и хорошо знал его творчество, о чем неоднократно упоминается в автобиографической книге «История одного путешествия»).

В эпиграфе, взятом Андреевым из стихотворения А. Фета «Поэтам», обозначена оппозиция природы и культуры: «Этот лист, что иссох и свалился, / Золотом вечным горит в песнопенье». Фет утверждает приоритет культуры: все тленное обретает бессмертие в поэзии, которая преодолевает ограниченность и несовершенство бренного мира. В. Андреев, полемизируя с поэтом XIX в., отстаивает ценность самой неповторимой и единичной человеческой жизни. В этом смысле он ближе к И. Анненскому как поэту XX в.

Листопад в стихотворении Анненского «Листы» становится поводом для размышлений о человеческой жизни, он вызывает чувство тоски и страха и побуждает лирического героя к размышлениям о жизни и смерти. Оптимистическое утверждение Фета снимается Анненским. Лирический герой последнего, с одной стороны, ищет путей спасения от страха смерти, видя, как «нежные листы / Не хотят коснуться праха»; с другой стороны, он апеллирует к «велению Творца» (законам бытия) как к идее бессмертия человеческой души. Стихотворение завершается вопросами, которые не дают ответа «тоскующему я»: «И нет конца и нет начала / Тебе, тоскующее я?» [4. С. 35]. Экзистенциальное беспокойство отличает лирического субъекта Анненского от лирического героя Фета. Ему не приносит облегчения мысль о бессмертии поэта в творчестве, как лирическому герою Фета. На первый план в самосознании Анненского выходит вопрос о бессмертии «Я», которое проблематично, как бы поэт ни хотел верить в законы Творца.

В стихотворении В. Андреева «Лист» идея «страха и трепета» (М. Хайдеггер) усиливается, по сравнению с текстом Анненского. Сорвавшийся с дерева лист – метафора человеческой жизни. Андреев подчеркивает неожиданность и неотвратимость смерти и незащитность перед ней: лист гибнет «внезапно опаленный острым зноем». Текст из четырех строф симметрично делится на две части. В лирическом сюжете развивается оппозиция красоты жизни и ужаса и безобразия смерти: противопоставлена полнота и целокупность мира («чаша полная покоя») тишине и покою могилы. У Фета гибель только названа, у Анненского – рефлексия лирического героя сопряжена с вопросом о возможности бессмертия.

В поэтической системе Андреева основой лирической рефлексии становится переживание факта смерти, ее описание занимает две строфы из четырех: «И знать, что так вот, медленно слетая, / Кружась как лист, я упаду на дно, / от горя и любви изнемогая, / Туда, где ясно все и все темно...» и т.д. [3. С. 83]. Андреев усиливает проблематичность прикосновения к бессмертию. Лирический герой «знает», что там («на дне») «я уже не я – давным-давно...». Вопросительная интона-

ция в стихотворении Анненского подразумевает скорее утвердительный ответ; вопросы лирического героя В. Андреева – отрицательный: «Ужели мы бессмертия не стоим? / Ужель его коснуться не дано?» [Там же]. Сюжеты текстов Анненского и Андреева выстроены типологически близко: во-первых, используется параллелизм в изображении природных явлений и жизни человека; во-вторых, развивается мотив страха смерти. В-третьих, тексты Анненского и Андреева симметрично делятся на две части: у Андреева – по две строфы; в стихотворении Анненского – по шесть строк. В первой части у поэтов воссоздается образ кружащегося и обреченного на гибель листа, во второй – размышления о смерти и нежелание смириться с ней. Вместе с тем текст Анненского – философское размышление о человеке вообще, об его извечном чувстве страха перед смертью: «О, неужели это ты, / Все то же *наше* чувство страха...» (выделено автором. – И.А.). В стихотворении Андреева речь идет о конкретной человеческой жизни как безусловной и неотменимой ценности. В отличие от Анненского, Андреев усиливает оппозицию верха и низа: небосвод и «дно» могилы, радужный свет («Сквозь веки, в радужном дыму / Следить, как возникают арабески») и темнота.

Интересно обратить внимание на отличия в изображении листопада И. Анненским и его современником И. Буниным. В стихотворении Бунина «Листопад» эстетика осени заявлена в ее безусловном совершенстве в мире-храме («Лес, точно терем расписной»; «И Осень тихою вдовой / Вступает в пестрый терем свой»; «Лес... Завороженный тишиной...»; «Листья янтарный отблеск лет...», «Последние мгновенья счастья» и т.д.) [5. Т. 1. С. 30–31]. Для Бунина красив и зимний, «мертвый лес» («Прости же, лес! Прости, прощай, / День будет ласковый, хороший, / И скоро мягкою порошей / Засеребрится мертвый край» и т.д.) [Там же. С. 33]. Вместе с тем в поэтической системе Андреева проскальзывают бунинские интонации в представлениях о совершенстве Божественного мира.

3. В поэтической системе Андреева мотив оторвавшегося листа обретает метафизические аспекты. Лист выступает посланником иного мира, вестником другой реальности. В этом значении он может быть сопоставлен с бабочкой / мотыльком. Образ листа-бабочки зафиксирован в «Словаре поэтических образов» Н. Павлович на материале русской художественной литературы XVIII–XX вв. Он встречается в поэзии И. Бунина, В. Брюсова, С. Есенина, В. Нарбута, В. Хлебникова [6. Т. 2. С. 608]. Напр.: «В саду листки берез, без шороха срываясь, / Средь тонких паутин, как бабочки, блестя, / И, слабо по ветвям цепляясь и качаясь, / На блеклую траву беспомощно летят» (И. Бунин); «Закружилась листва золотая / В розовой воде на пруду, / Слово бабочек легкая стая / С замираньем летит на звезду» (С. Есенин); «Здравствуй, листик, тихо падающий, / Слово легкой мотылек» (В. Брюсов) [Там же]. Однако в творчестве русских поэтов эти значения периферийны, они не являются семантическим центром поэтических систем указанных поэтов. Лист в поэзии В. Андреева в большей мере выступает аналогом бабочки В. Набокова, и, с этой точки зрения, связан и с эмигрантским контекстом.

В цикле «Прогулка с Б.Л. Поплавским» (1947) развивается метафизический сюжет «прогулки» с умершим поэтом по Парижу. В поэзии Андреева отражена «мистическая интуиция бытия», характерная для младоэмигрантов, не принимавших позитивизм и увлекающихся идеалистической философией (Цит. по: [7. С. 29]).

Для лирического героя «Прогулки...» жизнь сознания так же реальна, как и происходящее вокруг: «Вот в этом доме жил Борис Поплавский, / И для меня он все еще живет. /...Мы вышли вместе. Об руку рука...» [3. С. 18]. Лирический сюжет цикла – прогулка вдоль реки. «Таинственная Сена» – аналог реки Стикс, соединяющей два мира – живых и мертвых. Поплавский сообщает о смерти Минчина, и это семантический центр цикла (3-й фрагмент), после чего появляется мотив оторванного листа. В данном контексте опавший лист символизирует прежде всего ушедшую жизнь (как известно, бабочка – символ души), одновременно он выступает здесь и в роли посредника между мирами.

И один неосторожный листик
На моем улегся рукаве,
А другой, такой же золотистый,
Бабочкой растаял в синеве [3. С. 20].

Мотив оторванного листа (лист-бабочка), во-первых, вводит тему хрупкости человеческого существования и неизбежности смерти как общего удела; во-вторых, это весть от ушедшего поэта; в-третьих, он выражает идею мистической связанности ушедших и живущих. Именно в этой ситуации неожиданно падающий лист – символ исчезновения поэта (вестник смерти), а также связи живущих и ушедших. Б. Поплавский изображен как полноправный свидетель и участник всего происходящего в реальности: смены дня и ночи, окружающих деталей, он физически осязаем, ему доступно материальное, он реагирует на него – провожает оторвавшийся листок: «Ты с поклоном снял большую кепку, / С ним (листом) ты попрощался навсегда» и т.д. Но бабочка символизирует как смерть, так и воскресение (например, у Набокова). Пять текстов цикла «Прогулка с Б.Л. Поплавским» – соединение пяти поэтов в их мистической неразлучности: они связаны, как «...со строкою связана строка, / Не только рифмою, не только тем, / Что всем понятно и доступно всем» [Там же. С. 18]. Стихи в «Прогулке...» не пронумерованы, как в традиционном цикле, что, очевидно, призвано подчеркнуть их более тесную связанность между собой. Соединение поэтов в концепции Андреева имеет сверхкультурную, духовную природу и неуничтожимо, на что указывают финальный вопрос: «Где ты, где ты, милый брат?». В нем имплицитно заявлена идея мистической связи духовно близких поэтов, а также идея масонского братства.

4. Мотив опавших листьев в поэтической системе Андреева обретает миромоделирующее значение. Падающие листья образуют в картине мира поэта вертикальную ось. В ряде стихов выстроена оппозиция: низина / яма / могила и верх / небо. В цикле «Прогулка с Б. Поплавским» лист связан с верхней осью вертикали, но и здесь в последнем фрагменте пунктирно намечена дорога «в ад», вход «в подземный мир»: «желтый вход

туда, / Где слепец, стуча по камням белой палкой, / Исчезает без следа» [Там же. С. 20].

В микроцикле «Иней в лесу» вертикальная ось обозначена в самой структуре цикла. В первом тексте («Упавший лист») разворачивается сюжет гибели сорванного ветром листа, который к ночи погружается в овраг – «в холодный и глубокий, в черный лог». Обращает на себя внимание эпитет, несущий семантику смерти; лист «спит» в «венчике смертельном» инея». Аналогично Андреев будет говорить о человеке: «Сердце уснет и останется жизнь позади» [Там же. С. 12]. «Смерть» листа в первом стихотворении, с одной стороны, явление природы; с другой – метафора состояния человека, переживающего любовное отчаяние.

Два стихотворения микроцикла связаны мотивом ветра и воспроизводят состояние лирического героя вечером и на другой день утром. Во втором тексте («Письмо») резко меняется настроение: безличное повествование сменяется личным, развивается мотив счастливой любви («Счастливее я в этой жизни не был»). Желтый лист появляется как послание с неба после отъезда возлюбленной («И, как письмо, мне посланное с неба, / К ногам, кружась, слетает желтый лист»). Кружащийся желтый лист становится метафорой полноты чувств. Таким образом, мотив оторванного листа передает внутреннее состояние личности, выражает противоположные настроения в разное время суток (утро – вечер), участвует в метафорическом сюжете «смерти-воскресения», связанном с внутренними переживаниями лирического героя.

В стихотворении «Осина» опавшие листья обозначают как вертикальную, так и горизонтальную ось мира. Андреев утверждает «древесную» основу «земной тверди». Опавшая листва как часть древа связана с таинством жизни и смерти: с одной стороны, позиционируется верх («Бог наложит к слою слой / В тесном мире древесины»), с другой стороны, опавшая листва скрывает тайну подземного: «Недоступна взорам смерть. / Лишь дрожит, шурша листвою, / Мира призрачная твердь / И лицо его земное...» [8. С. 437]. Однако в лирическом сюжете присутствуют не только «верх» и «низ» («Тишина на самом дне / Мира без дверей и окон...»); в стихотворении через культурно-мифологические аллюзии эксплицирован сюжет мирового развития, мотив «дрогнувшей осины» сопряжен с христианскими коннотациями.

5. Среди актуальных значений мотива опавших листьев укажем также на следующее: он выступает способом выражения философии жизни. В поэтической системе Андреева жизнь понимается как постепенный уход. В стихотворении «Так ночью бабочка стучит в стекло...» (1949): она бесцельный, необъяснимый, незаметный и неуловимый самим человеком стук в другой мир. Поэт создает смысловой ряд: «бабочка стучит в стекло» – «волны пологое крыло передвигает гальку» – «пузыри всплывают на поверхности болот» – «стучат шаги или скрипят ворота» – «сам собой / Слетает лист, как желтый призрак звука». Во всех приведенных цитатах присутствует мотив непреднамеренного движения, вызванного естественными причинами и вместе с тем неотвратимого. В антропологиче-

ской модели Андреева так же незаметно человек приближается к смерти, или стучится в иной мир («чужой») «чуть уловимой тенью стука» [Там же. С. 448]. Существование человека в концепции Андреева – смутно осознаваемое им, но не замечаемое в повседневности приближение к смерти, иногда слабо осязаемое ее дыхание, чаще как ощущение хода времени, с чем связаны частотные образы часов и вокзала.

6. Наконец, опавшие листья являются метафорой кругооборота культуры. Семантический ряд *листья дерева (природа) – листы бумаги (культура) – тексты (искусство)* был выявлен А. Хансеном-Леве в младшем символизме [9]. Наиболее полное воплощение этот ряд соответствий нашел в поэзии И. Анненского, который создает новую форму циклизации – «трилистники» (циклы из трех текстов). Книга Анненского «Кипарисовый ларец» (1904–1909) состоит из 25 «трилистников» («Трилистник сумеречный», «Трилистник соблазна», «Трилистник сентиментальный», «Трилистник осенний» и т.д.). Форма трилистников – наглядное выражение аналогии А. Хансена-Леве на философско-эстетическом и символическом уровнях (трилистники как три текста цикла и как природная реальность, например три листа клена); название «трилистники» совмещает и отождествляет природу, культуру и символику числа. Само число «три» восходит к духовно-религиозной традиции, выступая в мифологиях математическим выражением целостности [10].

В. Андреев продолжает развивать идею эквивалентности природы и культуры, разрабатываемую предшественниками. Опавшие листья становятся в его поэтической системе метафорой культуры, как, например, в стихотворении «Гляди: отмирает и все ж накопляется бремя...» [8. С. 435]:

Гляди: отмирает и все ж накопляется бремя
Стихов и метафор – листвы у подножья ствола.
И в тех, что легчайшею молью затронуло время,
Зеленая жизнь незаметно уже отбыла.
(Выделено мной. – О.Д.).

...И медленный ритм, так похожий на ритм Мандельштама,

Не мне одному указывает на тонкую сеть
Прожилок и жил и на образы те, что упрямо
Живут, превратившись в прозрачную, милую медь.

Это стихотворение 1926 г. не о природе, хотя опавшие листья – главный предмет лирической рефлексии, а о культуре и ее месте в развитии мира. В нем выражено несколько ключевых идей. Во-первых, кругооборот культуры, как и природы, непрерывен; он неостановим и неотменим. Во-вторых, аналогия опавшей листвы и культуры онтологизирует последнюю, т.е. поэзия «вещественна», безусловна, сущностна. Утверждается принципиальное, «корневое», значение культуры в развитии бытия (стихи и метафоры – аналог листьям, которые с годами ложатся пластами «у подножья ствола»). В-третьих, обозначены ритмы природы и ритмы культуры (ее периоды) и выражена философия преемственности в ней: какие-то стихи уходят, становятся менее актуальными, в них – «зеленая жизнь не-

заметно уже отбыла», но они сохраняются в поле культуры. Вспомним: «...И медленный ритм, так похожий на ритм Мандельштама, / Не мне одному указывает на тонкую сеть / Прожилок и жил и на образы те, что упрямо / Живут, превратившись в прозрачную, милую медь». «Прозрачная, милая медь» – образ поэзии Мандельштама периода «Камня» (1916).

Устаревшее слово «бремя» в контексте разговора о культуре подразумевает, с одной стороны, «ношу, тяжесть», с другой – «беременность». В отличие от природы, развитие культуры осуществляется по иным принципам и основаниям, чем природы: она всегда «беременна» будущим, т.е. не только количественным накоплением (как листва), но «качественным» приращением. В-четвертых, обозначена наиболее близкая поэту акмеистская традиция, выражающая идею органичности культуры и ее фундаментальной роли в процессе развития бытия (стихи и метафоры – это «листва у подножья ствола»). Основа связи поэзии и природы физическая – это ритм («медленный ритм Мандельштама»). Искусство входит в состав общей жизни и участвует в ее эволюции. Образы поэзии живут, превратившись в «милую медь». «Милая медь» – это образ и осенней природы, и культуры, отсылающий как к «Камню» Мандельштама, так и к поэзии Есенина («Тихо льется с кленов листьев медь...»). В-пятых, позиционируется собственная эстетика, в основе которой находится метафора, и свое место в эволюции поэзии: равнодушие к грузу традиции, пока нет «последних образов», т.е. своих, и оценки собственного творчества на шкале развития поэзии. По сути дела, в поэзии Андреева с помощью мотива опавших листьев выражена идея семиозиса культуры.

Таким образом, мотив опавших листьев обретает в лирической системе Андреева универсальное значение.

В завершение разговора о поэзии В. Андреева следует ввести философский контекст, а именно книгу В. Розанова «Опавшие листья» (1914). «Опавшие листья» в философских работах Розанова имеют несколько значений: во-первых, это хаотично возникающие, разнообразные, случайные мысли. В «Уединенном» философ пишет: «Шумит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, полочувства, которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработок, без цели, без преднамеренья, без всего постороннего» [11. С. 163]. Во-вторых, это разрозненные страницы как фрагменты записей мыслей. В. Андреев развивает семантику «опавших листьев» как листов страниц, однако это значение находится на периферии его художественной системы.

У русского философа есть и третье значение понятия «опавшие листья», актуальное в аспекте нашего разговора. По мысли Розанова, листья связаны с корнями, они произрастают из определенной почвы. Андреев непроизвольно оказывается созвучен Розанову в развиваемой русским философом идее «древа»: древа как «роста», развития и древа как корней, почвы и основы существования личности и национальной культуры (духа). Созвучные этим размышления о почве как глубине, законах роста, корнях появляются в большей мере в позднем

творчестве Андреева, в «американский» период (1950–1970). Они выражаются в обращении к образам многолетних деревьев, с большим количеством колец: «Куст можжевельника», «Секвойя». Последнему тексту, например, предшествует эпитафия из энциклопедического словаря: «Секвойя живет обычно до 2000, иногда до 4000 лет» [3. С. 75]. В связи с этим справедливо выстраивать некоторые общие смыслы мотива опавших листьев у Розанова и Андреева в контексте исторической эпохи – Серебряного века и первой половины XX столетия. Опавшие листья – это люди, принадлежащие к уходящей культуре, которая сформировалась в дореволюционное время. В Андреева в корневых свойствах – основах сознания и мироощущения – остался ее носителем и выразителем, как и В. Розанов.

Мотив опавших листьев в поэзии Андреева остается сквозным с конца 1920-х до 1970-х гг. Поэзия В. Андреева объективно продолжает традиции русской литературы и выступает как наиболее «русская» ветвь среди младоэмигрантов первой волны.

Семантика мотива падающих листьев в поэтической системе В. Андреева широка, она охватывает практически все сферы бытия и жизни человека: природное – экзистенциальное – ментальное (план сознания, мысли) – культурное. Среди многих значений, о которых мы говорили, главенствующее место в поэзии Андреева все же занимает метафора «опавший лист» – человеческая жизнь; таким образом, экзистенциальные аспекты мотива – одиночества и изгнанничества – выходят на

первый план. Падающие и опавшие листья символизируют процесс ухода и исчезновения поэта, любого человека, вообще всех поколений, неостановимого движения времени.

Для поэзии русской эмиграции младшего поколения мотив оторванного листа и падающих листьев не характерен. Так, например, в антологии поэзии этого периода («Ковчег», 1991) есть лишь стихотворение Георгия Иванова «Листья падали, падали, падали...» (1955). В его сюжете воспроизводится сцена похорон. Падение листьев в стихотворении поэта-эмигранта фиксирует онтологические законы бытия: «Листья падали, падали, падали, / И никто им не мог помешать» [12. С. 174]. Они символизируют смерть, как и увядшие цветы, которые ненавистны лирическому герою и вызывают у него чувство отвращения: «светозарное пение» и «блаженное успление» соединяются с «отвратительным вечным покоем»; троекратно повторяющийся глагол «падали» семантически сопрягается с гниением и рифмуется с существительным «падаль». Выраженное в стихотворении Г. Иванова настроение глубоко чуждо интуициям В. Андреева, о которых мы говорили выше.

Мотив опавших листьев становится способом выявления национальной идентичности поэта. Его анализ позволяет выявить глубинную основу русской литературы, ее психоментальную составляющую, сохранившуюся и в XX в. у поэтов метрополии и представительной русской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лермонтовская энциклопедия*. М. : Сов. энцикл., 1981.
2. *Есенин С.* Собр. соч. : в 3 т. М. : Правда, 1983.
3. *Андреев В.* На рубеже. 1925–1976. Париж – Нью-Йорк – Женева. Париж : Умса-Press, 1977.
4. *Анненский И.* Избранные произведения. Л. : Худ. лит., 1988.
5. *Бунин И.А.* Собр. соч. : в 9 т. М. : Худ. лит., 1965.
6. *Павлович Н.В.* Словарь поэтических образов. На материале русской художественной литературы XVIII–XX вв. : в 2 т. М. : Эдиториал МРСС, 1999.
7. *Матвеева Ю.В.* Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов : автореф. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2009.
8. *Поэзия русского зарубежья*. М. : Слово / SLOVO, 2001.
9. *Хансен-Леве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб. : Академ. проект, 2003.
10. *Налегач Н.* Поэтика листов-листьев в лирике И. Анненского // Иннокентий Федорович Анненский. Материалы и исследования. 1855–1909. М. : Литератур. ин-т им. А.М. Горького, 2009.
11. *Розанов В.В.* Религия и культура. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001.
12. *Ковчег: Поэзия первой эмиграции*. М. : Политиздат, 1991.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 октября 2011 г.